

Н. ТЕЛЕТОВА

**Истоки романа Набокова «Ада»
и роман Жермены де Сталь «Коринна»**

Часто цитируемые слова Ходасевича: «Сирин <...> показывает лабораторию своих чудес»¹ — без сомнения, справедливы. Но вход в эту лабораторию не открыт — туда дозволяется только заглянуть, причем на виду стоит не главное, обманное, пускающее по ложному следу, который вскоре обрывается. Иное, стержневое начало Набоков не обнажает, он лишь намекает на него — или цитатой, или одним словом. Это может быть название места, но чаще — имя. И только такое слово должно повести к источнику, зачастую измененному до неузнаваемости.

Так, мертвенностъ серединно-серого Йозефа К. в «Процессе» Кафки, его внутренняя несвобода, закомплексованность превращается в художнически перенасыщенную жизнь души и разума внутренне свободного, но внешне скованного и обреченного обществом Цинцинната. Прямо наоборот, точно наоборот — любимый прием обработки протосюжета у великого русского бунтаря.

Набоков отрицает связь с Кафкой, и доверие к его утверждением о незнакомстве с текстом (как в этом, так и в других случаях) может поставить в тупик. Интервью, которые давал писатель, не раскрывают, но скрывают истину — забрали нагло опущено. Тот же Ходасевич замечает, что трудно назвать то, чего бы не читал его друг, прикидывающийся неосведомленным простаком.

Приходится сомневаться и в искренности многих оценок — часто они даны ради эпатажа, из расчета на скандал, причем чем бульшую славу приобретает Набоков, тем решительнее устраивает он эти грандиозные аутодафе — чего стоят сожжения Достоевского и Томаса Манна.

¹ Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 391.

Однако, пробившись сквозь заданные, навязанные, сомнительной справедливости и доказательности литературные идеи писателя, вчитываясь в художественный текст, можно обнаружить отсылки, которые опровергнут теоретические догматы.

Две причины пробуждают на путях имитации творческую фантазию Набокова. В первом случае он как бы вливает свое в первичный текст, лишь обогащая его, испытывая симпатию — и к автору, и к его творению. Он *присоединяет* свой голос, создавая такие вещи, как «Помощник режиссера» (рассказ, ключ к которому лежит в рассказе Г. Уэллса «Калитка в стене») или «Сказка» (с просюжетом у Ж. Казотта, «Влюбленный дьявол»).

Вторая причина обращения к чужому творению — негативная реакция на него. Фантазия Набокова пробуждается под действием возмущения либо ханжеством, либо не той системой ценностей, что свойственна ему. Так случилось, когда он прочел роман Ж. де Стель «Коринна» (1807), разумеется, нигде не помянутый, но вызвавший почти что ярость, и переигранный Набоковым в романе «Ада» (1969). Что касается самой госпожи де Стель, яркой представительницы романтизма, то к ней отнесена одна убийственная фраза: «Мадам де Стель непереносима ни при каких обстоятельствах»². Но роман заденет его за живое. Вверх дном перевернет он все в нем, но не отложит холодно, а отомстит в «Аде» за поруганную любовь Коринны. Набоков освободит ее возлюбленного от тяжкой ноши долга, даст счастье несчастным — в своем романе. Но сохранил слово-имя — и тем укажет на протосюжет. Это имя сестры его Вана и Ады — Люцинда или, по-семейному, Люсетт. Героиню Ж. де Стель звали Люсиль. Знак подан.

Обратимся к сложной и чрезвычайно важной родословной таблице героев романа «Ада». Пять поколений вычерчивает Набоков, следя юридическим данным о рождениях, браках и смертях в одном семействе.

Родоначальник зовется князь Всеслав Земский. В русском фольклоре отец Владимира, крестителя Руси и киевского князя, называется не Святослав, но Всеслав (см. былину «Волх Всеславьевич» у Кирши Данилова)³. Фамилия князя относит нас к образу самой Земли. В египетском мифе о мироздании Земля не

² Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 302.

³ См. другие варианты имени: Шубинский В. Имя короля Земблы // Звезда. 1999. № 6. С. 195.

женского рода, а мужского. Земля выделила из себя Небо — в той же религии оно женского рода. Земля и покрывающее ее Небо — здесь начало жизни, известной человечеству. У греков Гея — Она, Земля — из себя породила Урана — Его, Небо. Она и Он стали в творческом порыве созидать грандиозных существ. Затем родители остановились на стадии титанов — они показались наиболееrationально сконструированными. Позже подобны им будут смертные люди. У греков Земля внизу, это Она; Небо — вверху, это Он. У египтян поза совокупления обратна греческой. Набоков берет египетский вариант для своего семейства, своей «Семейной хроники» Ады и Вана.

Его Земля — князь Земский — заметно старше и первичнее Неба — Её. Он славен для всех — Всеслав — и рожден на 56 лет ранее своей жены. Юная подруга, княжна Тёмносиняя, воплотила его мудрость и, названная Софией (греческая первая жена Зевса Мудрость-Метида), напомнила о небесном цвете.

Порожденные Всеславом и Софией — Петр и Ольга, — вступив в браки с ирландкой и шотландцем, дали начало разъединению.

Однако Набоков отнес зачинателей рода к XVIII веку, когда этих псевдобогов сопровождал уже людской поток, что позволило Петру и Ольге почерпнуть жизненные силы со стороны. Брат и сестра соединились с древними, между собой родственными народами, создателями лучших эпосов нового времени — кельтами. Он — женился на ирландке О’Рейли; она — вышла за шотландца Вина.

Заметим, что в следующем поколении искусный Дедалус Вин из дурмана (появился в семье Иван Дурманов) некоей архаики делает попытку вывести род на простор. Дедалус — что значит искусный — мастер устройства лабиринтов, но и спаситель от них, их замкнутости и закрытости рода хотел бы воспарить — но сын его Дементий (лат. — безумец), в функции Икара, взлетев в небеса (царство прабабушки Тёмносиней) оказывается пойман родовыми связями, при этом дурман не рассеивается, хотя сам он и растворяется при авиакатастрофе в небесах.

Брат Дедалуса Вина, его ровесник, именуемый Ардалион, — не удался природе, его имя означает «суетливый и нечистый». В романе «Отчаяние» Набоков намечает свою расшифровку имени через шараду: орда и лион, что имеет смысловое значение. Лион — лев напоминает о величии рода; орда — изобильные, штампованные массы людей.

Гадок будет и сын его Даниэль, неудачник и рогоносец, чья природа должна была преобразиться в его дочери — последней в его роде — Люсетт. Но и она будет отверженной и уйдет к первоосновам Жизни.

Дементий Вин, сын Дедалуса, не только безумец. Он и Демон-Даймон рода, душа семьи, демоническая неотвратимость, поднявшаяся против «счастья на общих путях», куда клонил было он, женившись — честь по чести — на троюродной сестре Акве Дурмановой. Аква оказалась столь текучей и психически отсутствующей, сколь естественно это для текучей воды прозрачного ручья (вспомним форму ее безумия с шепотом водопроводной воды).

Дементия влечет ее сестра Марина («морская»), окрашенная в разнообразные оттенки морской волны, отливающая небесной синевой своей прабабки Софии.

Но сестры, как две наяды, составляют некую полноту целого — Аква-Марин, — тем более что они близнецы. Синева небес возвращается в род синевою вод, спускается в лоно Земли (Земского!), придающей необыкновенную витальную силу тайному и могучему союзу Демона и Марины.

Набоков пытается создать собственный лабиринт, заставить потрудиться своего читателя, потому что три неудержимо-стихийные события (три сюжетных шага) становятся следствием их божественной страсти, устремленной к полноте самовыражения.

Первый шаг — тайный союз Марины Дурмановой, еще незамужней, со своим троюродным братом Дементием Вином, только что женившимся на ее сестре Акве. Следствием любовной связи рождается сын Иван, называемый как бы случайно — Ваном. Но Ваны — хтонические божества нордических народов, духи стихийных сил природы. У Аквы, теряющей ясность сознания и обреченной на чужой присмотр, «одурманенной» судьбою, от мужа Дементия тоже рождается сын, но он умирает в возрасте нескольких месяцев. Тогда ей подсовывают Вана — сына ее сестры от союза с ее мужем. Аква умрет, когда Вану будет 13 лет.

Второй шаг. Пытаясь разорвать оглушительную свою связь, Марина, предоставив сына нянькам и, формально, сестре, выходит замуж за своего троюродного брата Даниэля, неудачливого двоюродного брата Дементия. Но дурман от этого не рассеивается, напротив, двое Винов женились на двух близнецах — сестрах Дурмановых. Замкнутость, душность ситуации подтверждается тем, что, уже став женой Даниэля, Марина рожает от его кузена, того же Дементия-Демона, дочь Аделаиду, правильнее — Аду.

Возникающая пожизненная страсть Вана и Ады, брата и сестры, обращает род ко временам начала жизни Мира; теперь пространство замыкается на любовном союзе, а *Teilpersonen*, дополняя друг друга, создают полноту Универсума. Кольцо — пять поколений — замыкается и должно самоуничтожиться.

Бесконечное счастье, данное Аде и Вану, было бы безмятежным, хотя и тайным, но Набокову этого недостаточно. Его бунт в пользу архаических союзов титанов и титанид, богов и богинь, находящихся в прямом родстве братьев и сестер, взаимоотражающих друг друга друг в друге, был бы неполон, если бы он не изобразил попытку Люсетт вторгнуться в найденное совершенство, в союз Его и Её, Вана и Ады. Смутно и неотвратимо тянется к этим двоим Люцинда-Люсетт. Здесь *третий шаг* в развитии сюжета. Люсетт — родная сестра Ады и Вана по матери, но троюродная по отцу, Даниэлю. Безгранична ее влюбленность в Вана встречает нежное отталкивание им кузины, которое станет причиной ее гибели. Союз с Ваном был бы «хромающей» полнотой узнавания себя в своем отражении. Он понял это. Люсетт — нет. Он сознательно обходит ее — из той нравственности, которая известна только двум — Вану и Аде, — открывшим божественный закон двух половин, составляющих Целое. Люсетт бросается в морские волны — мать Марина поглощает ее (стихия и бог двуначальны. Потому что душа стихии антропоморфна). Дочь морской стихии — Марину и до того, как выясняется, была «не подвластна морской качке»⁴. Теперь, захлестываемая волнами, позади уходящего корабля, она растворяется в водах, ее тело не найдено — наяда возвращается в лоно стихий. В другом месте романа Набоков бросает фразу: «Ведь Люсетт оказалась вопреки всем разрушенным объяснениям и волеизъявлениям, непогрешимой полунимфой» (320). Полунимфой — по матери нимфой-наядой, но отцовское отчуждало ее от мира блаженных.

Вскоре исхудает и высохнет ее мать, уходя в иной мир и передав свою жизнетворную страсть сыну и дочери, божественно завершающим мятежи сего мира.

В авиакатастрофе погибнет и Демон, возвращаясь в небесное лоно прабабушки Софии, сливаясь с легендарным Икаром до конца. Тело его не будет обнаружено, оно тоже растворится в стихии. О пассажирах самолета сказано: они «сгинули в небесной голубизне» (476). Страсть, которой посвящен весь роман, оказывается жаждой обретения Гармонии, Универсума, и служебные фигуры возвращаются в изначальные составляющие элементы Мира.

---

⁴ Набоков В. Ада, или Страсть. Киев; Кишинев, 1995. (Пер. О. Кириченко, А. Н. Гиривенко, А. В. Дранова). С. 458. Впредь цитаты в тексте по этому изданию.

Роман «Ада» автором не был переведен на русский язык, и неизвестно, что сделал бы он с вшифрованной игрой смыслов и отдельных слов при переводе. Заметим, что подзаголовок «A Family Chronicle» в первом переводе романа (Киев; Кишинев, 1995) не решились назвать «Семейная хроника», что уводило бы к безмятежной книге С. Т. Аксакова, описывающего аркадские времена поместной жизни в далеких уфимских землях, где протекало детство автора и нескольких поколений его семьи. Пародируя и эпатируя деликатнейшее письмо Аксакова, Набоков выворачивает все наизнанку. Его Ардис — место неистовой, по сути мистериальной страсти, довременных людей, случайно расположившихся в цивилизованном мире конца XIX — середины XX столетий. И далее. Английское название, помимо прямого смысла, несет второй и главный, основанный на игре буквами: «Ada, or ardor». В этих трех словах содержится А — 3 раза, R — 3 раза, O — 2 раза, — 2 раза. Можем предположить: род — орда, ад; ада — дар (или дар ада), опять замкнутость в тесном пространстве, опять твержение одних звуков.

Родословная таблица, включив пять поколений, отразила завершение рода. Жизнь сконденсировалась, взорвалась страстями и блаженно разомкнулась в стихиях, эту жизнь некогда обозначивших. Но пути развития сюжета, его смыслы сопряжены, думается, более всего с неким диссонансом, каковым явилась сама неблагополучная Люсетт.

На ее имени завязывает Набоков видимые пути к роману Фридриха Шлегеля «Люцинда» и — невидимые — к «Коринне» (с ее Люсиль) Ж. де Стель. Роман Шлегеля манифестирует совершенство, достигнутое Юлием и Люциндою, освободившими свою любовь от условностей общества, хотя об инцесте здесь нет речи.

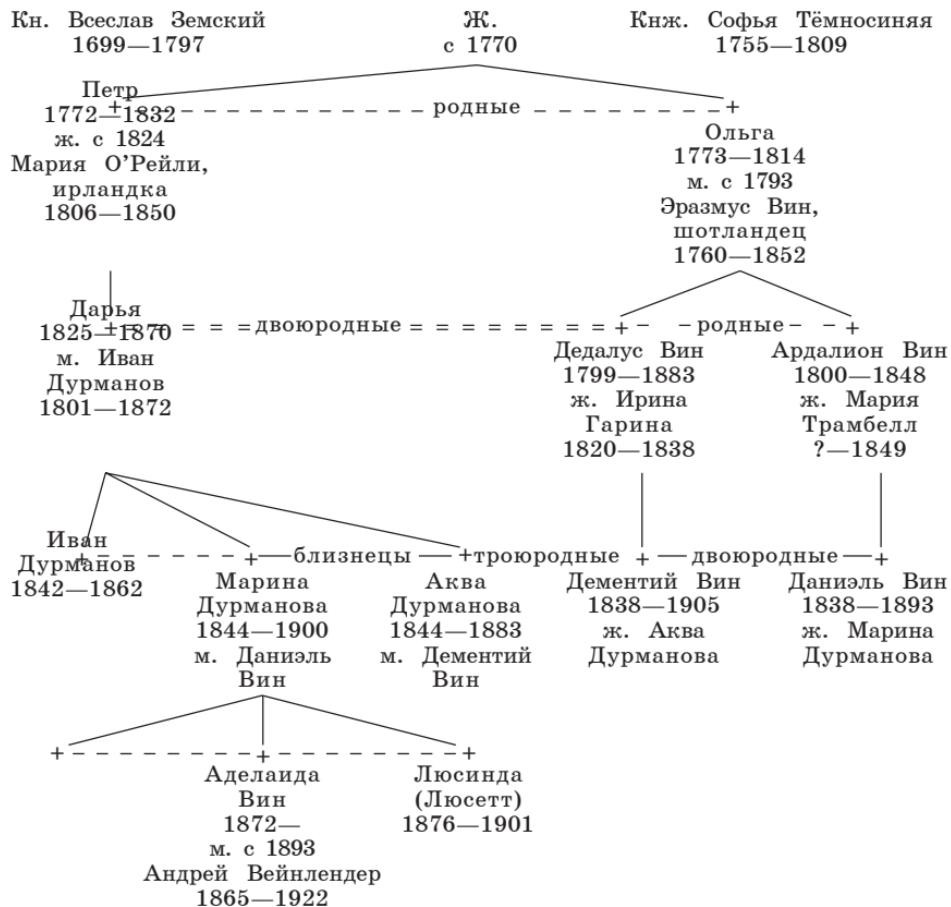
Действительно, эпатирующие позиции Ф. Шлегеля близки Набокову. Остановимся на этом произведении 1799 года (ровно за сто лет до рождения писателя, идущего по следам немецкого романтика). У Шлегеля подчеркнуто хаотический план — текст включает диалоги, письма, дневники Юлия и Люцинды.

У Набокова, при достаточной строгости композиции, кажущийся хаос царит в сфере субъектно-объектной.

Здесь дневник Вана, рассчитанный на читающих его посторонних. Например: «Как бы мне хотелось, чтобы все, кому пришли по душе мои мемуары, кто от души восхищен ими, тоже увидели ее (Люсетт. — Н. Т.) ирландский профиль» (430). Здесь автор, отстраняющий своих героев и выходящий к читателю уже напрямую.

Здесь (особенно в начале романа) рецензии на дневниковые записи Вана, сделанные Адой на полях много лет спустя.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

Реально Ван и Ада — родные; они же Люсинде по матери — родные, по отпам — троюродные.

Дементий и Даниэль — двоюродные братья, их деды между собой троюродные (т. е. Ада и Ван доводятся троюродными Люсинде). По матери Марине двое оказываются четвероюродными третьей.

Здесь игры с читателем, который следует за текстом романа, перемещаясь, по воле автора, с одной точки на многие другие и вынужденный присутствовать тогда, когда чужая спальня ему вовсе не понутру, как и описание малопривлекательных старческих немощей Вана — в конце книги. Разнообразие ракурсов перекрывает личностью автора, чаще всего сливающейся с его героем Ваном (отношения их подобны диалогу Пушкина с Онегиным), и цельность этого персонажа как бы упerta в мощное «я» Набокова.

Максимальной смелости Шлегеля (конец XVIII века!) соответствует скандализирующая раскрепощенность Набокова (середины XX века).

Набоков не без удовольствия и по праву ссылается на Ф. Шлегеля — бунт того его симпатичен. Он старательно направляет читателя в сторону его «Люцинды», тем затеняя сюжетное и формообразующее сходство с Ж. де Сталь.

Так, Ван замечает своей кузине: «Ты по-прежнему ведешь речи, какие впору лишь самой разнудзданной и бесстыдной из всех Люцинд» (434). В память Люцинды-Люсетт, спустя примерно 20 лет, Ван Вин «воздвиг <... знаменитую виллу “Люцинда”, миниатюрный музей» (319). Об этой вилле идет речь и далее (538).

Юлий пишет своей Люцинде у Шлегеля: «Для женщины не может быть ничего более неестественного, чем ханжество (порок, о котором я никогда не могу подумать без некоторой внутренней ярости)⁵. И далее: «Любовь не только тайная внутренняя потребность в бесконечном; она одновременно и священное наслаждение совместной близостью. Это не просто смещение, но переход от смертного к бессмертному»⁶. И звучащее совсем по-набоковски: «Только в ответе своего Ты может каждое Я ощутить свое бесконечное единство»⁷. Закон, требующий разделения — Он и Она, — оборачивается своей противоположностью — «Под магическим действием радости огромный хаос спорящих между собою форм разливается в гармоническое море»⁸.

Пуская Вана и Аду по следу Юлия и Люцинды, Набоков восстанавливает образ целостного человечества, мечту об Уни-

---

⁵ Шлегель Ф. Люцинда // Немецкая романтическая повесть: В 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 26.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Там же.

версуме, вйдомом во времена титанов и титанид, в их небесных, уранических союзах.

Не забывает Набоков помянуть в своем романе и Шатобриана с двумя его знаменитыми повестями «Атала» (1801) и «Ренэ» (1802). Рене и Люсиль, брат и сестра, прячутся от самих себя. Она — в монастыре, а он — в Новом Свете. Не случайна фраза Набокова о «всех Люциндах» (см. выше)⁹. Рене слушает поучения мудрого Шактаса («Атала»), сломленного трагедией своей юности. Тот произносит фразу: «Счастье найти можно только на путях, общих для всех людей»¹⁰. Похоже, что еще Шлегель отвечал на эту фразу своей «Люциндой». Отвечает на нее с «внутренней яростью» и Набоков. Отвечает сразу — и Шатобриану, и его современнице и соотечественнице Ж. де Стель с ее «Коринной».

Как всегда, он берет материал в необычайной дальности от себя, но использует романное построение, самую схему любовного треугольника у Ж. де Стель. С этой робкой бунтовщицей против общепринятой морали он обходится как с Фр. Кафкой: все основные коллизии учтены и обыграны, но вывернуты наоборот.

И там и тут две сестры и юноша. У сестер в романе Стель — один отец; у сестер в романе Набокова — одна мать. Одна из сестер — в обоих романах — именуется Люсиль-Люсетт. На этот раз одинаково — она младшая. Старшая — у Стель — лишена имени, но наделена псевдонимом, возвышенным прозванием — Коринна. Так звалась греческая поэтесса VI в. до н. э., соперница Пиндара. Старшая сестра в романе Набокова получает имя Ады (или Аделаиды). Героя «Коринны» зовут Освальд Нельвиль — Освальд Нелвил, из которого и выплыл Набоковым его Ван Вин. Остальные буквы как устаревший, ненужный хлам остались в прошлом веке. Это О с л д е л л. Очень вероятно, что Набоков скрыл тут и оценку меланхолического шотландца — «осел» — и гудящее междометие в придачу — «длл»...

Обратим внимание и на пристрастие французской романтики и русско-американского Набокова к Шотландии. Похоже, что романтические мусульманские страны для обоих переместились на Север, откуда родом оказались многие персонажи в обоих романах.

⁹ Тема инцеста достаточно подробно рассматривается в замечательной статье Д. Б. Джонсона «Лабиринты инцеста в “Аде” Набокова» (В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 394—428). Мы касаемся этой проблемы только в аспекте нашей темы.

¹⁰ Шатобриан Ф.-Р. Атала. Ренэ. М., 1992. С. 84.

Дивная поэтесса-импровизатор, прозванная Коринной, живет в Риме. Ее красота, вдохновенная искренность поражают. Поклонение ей круга друзей безгранично. Среди них оказывается прибывший из Британии лорд Освальд Нельвиль, полюбивший Коринну. Она отвечает взаимностью. Влюбленные свершают вдвоем паломничество к прекрасным памятникам искусства и природы Италии. Однажды он исповедуется ей. С огромным волнением слушает она рассказ о его прошлом. Затем она открывает ему свою тайну — их странную невстречу на общей их родине — в Англии, вернее Шотландии.

У лорда Освальда Нельвиля недавно умер обожаемый отец, там, в Шотландии. Он полон неизбывной тоски по усопшему, жажды посмертно исполнить отцовскую волю, ибо некое увлечение (в прошлом) их разлучило, и чувство вины мучит сына.

Коринна — дочь лорда Эджермона, ныне покойного. Его первой женой была итальянка, ее мать. Второй женой отца была его соотечественница, дама чопорная, сухая и очень скучная, которая выжила свою падчерицу после смерти ее отца на родину матери, в Италию. До того вторая супруга подарила лорду белокурого ангела — дочь Люсиль, молчаливую, робкую и наполненную размышлениеми о приличиях, внущенных ей матушкой. До разлуки сестры были дружны и привязаны друг к другу.

В волнении Коринна и Освальд узнают, что ее отец Эджермон был лучшим и единственным другом лорда Нельвиля-отца.

Становится известно, что друзья хотели со временем поженить Освальда и старшую дочь Эджермона. Но возникло странное препятствие: лорду Нельвилю-старшему показалось, что живость и южный склад старшей дочери Эджермона не подходят северному складу и добродетелям его сына. Об этом говорилось в письме, попавшем в руки Освальда.

Он временно уезжает от Коринны, из Италии. Но разрыв назревает медленно и мучительно. В конце концов Освальд женится на предназначенной ему батюшкой Люсиль Эджермон, обожающей своего суженого. Тихо идет к концу оставленная Коринна, мисс Эджермон-старшая. Люсиль полагает, что старшая сестра умерла — так сказала ей мать. Освальд исполняет наказ отца и даже производит на свет дочь Жюльетту. Скучная правда отца приводит всех к несчастью и губит Коринну.

Люсиль Эджермон разрушила ту видимую гармонию, которая должна была завершить собой союз двух друзей. Не она, но одаренная Коринна оказалась лишней. Люсиль оказалась причиной несчастья сестры и всего происходящего в романе Сталь.

И у Набокова ее тезка служит развитию интриги. В finale романа он замечает о Люсетт: «Ее трагическая судьба образует один из основных мотивов этой очаровательной книги» (556). Очаровательной или напускающей чару?

Через Люсетт идет путь к протосюжету — Жермене де Стель. Набоков-читатель, сравнивая двух сестер, одаренную с добродетельно-убогой, переставляет их местами в собственном романе (придав, впрочем, обаяние своей Люсетт), хотя и романистка строит коллизию не без опоры на ту же мысль, но лишь в словах Коринны и ее друга князя Кастель-Форте прозвучит несмелый протест против «счастья <... на путях, общих для всех».

Коринна: «Зачем мне верить в себя, если так ужасно в себе разувериться? Найдет ли он у другой женщины такой ум, такую душу, такую нежность, как у меня? Нет! Всего этого у нее будет меньше, чем у меня, но он удовольствуется и меньшим; он будет жить в согласии с обществом. Там все фальшиво — и радости и печали!»¹¹.

Кастель-Форте: «Если кто-нибудь обидит женщину, это не повредит ему во мнении света <... Мы можем совершенно безнаказанно причинить им ужасное зло. Удар кинжала карается законом, а терзания любящего сердца становятся предметом насмешек; по мне лучше уже нанести удар кинжалом.

— Поверьте мне, — вымолвил лорд Нельвиль, — я тоже глубоко страдал»¹².

Конечно, бунт Жермены де Стель иного порядка, чем у Набокова. Она сохраняет некую назидательность, любуется тихой преданностью своей Люсиль и как бы отчасти соглашается с догматом Шактаса, но всем действием романа показывает, что ничего, кроме горя, из смирения и насилия над любовью не получится.

Скрытость и неполноту протеста романистки Набоков превращает и в свою попытку отправить Аду и Вана тропою, «общей для всех». Ада вступает в брак и 17 лет влечит его узы. Ван занимается наукой и пишет некий роман, причем поминается невзначай имя Долорес, то есть роман этот о Лолите и писатель намекает на единство героя с собою. Еще Ван посещает приют Венеры — с санитарными целями.

Эти годы отняты у любящих, ибо разрушен закон любви — любви к своему отражению, своей половине, своей тени,

¹¹ Стель Ж. де. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 341.

¹² Там же. С. 370.

а любовь к самому себе — естественна и первична для нормального человека. Повторенное свое Я замыкает кольцо бесконечности и божественности.

Когда эти избранники богов пытаются следовать по путям смертных людей, они оскорбляют богов.

Ада не знает радости в союзе с Вейнлендером. Не знает радости приневоленный к браку с Люсиль и Освальд у Сталь. Кажется, что романистка взяла своего Освальда из реквизита классицистов: респект (почитание отца) всегда должен был побеждать amor, что являлось основой в психологических построениях французских трагедий XVII века.

После пережитой разлуки Набоков позволяет своему Вану Вину свободу, победу естественного (= божественного) над насилием.

Лишняя Люсетт вспоминается состарившимися любовниками Адой и Ваном с жалостью и нежностью, но она не входит в колдовской круг избранничества, единственности.

В романе Сталь уходит из жизни любимая; в романе Набокова — нелюбимая. Все наоборот — с совершенной точностью. От несчастья в насилии — к счастью в свободе, в возвращении ко временам, когда боги соединялись с людьми, когда восставший ангел Самиаза избрал смертную деву Аголибаму, а его брат Азазиил — Ану (мистерия Байрона «Небо и земля»).

Особый смысл у Набокова приобретает состояние переходное в судьбе человека: от жизни к смерти (рассказы «Катастрофа» 1924 года и «Совершенство» 1932 года), от страстной любви к деторождению.

Из-под власти одной силы человек переходит во власть другой. Но, по мнению Набокова, на переходе его герои ухватывают момент необыкновенной красоты, открывающейся обреченному (в названных рассказах), ибо это — уже свобода от закона жизни, и еще свобода от закона смерти.

Эта мысль расширительно толкуется в романе «Ада». Его Ван Вин счастлив своей совершенной любовью, а стадия размножения богами — новыми и неведомыми — устранена в его предназначении.

Словно в узкую щель проскаивают эти двое между двумя принуждениями, остановившись в краткой обычно стадии любви. Не брак и чадолюбие, но совершенство в этом временном для прочих смертных периоде даровано им. Они представлены некими жрецами Афродиты, не переходя под опеку Геры и других богов домоводства и семейного очага. Их любовь выведена из-под власти рода, они не знают ни болезней, ни материальных затруднений, они свободны — и в этом подобны богам,

потомство которых, если оно появляется, не обременительно: юные боги взрослеют не по дням, а по часам, ибо детство, по представлениям древних, есть несовершенство и обуза для предыдущего поколения. Исключение — почти единственное — Эрот-Амур, чья шутливость и проказливость отражают непостоянство его матушки, им персонифицированное.

Легкость всего в жизни, долголетие, свойственное хтоническим (не бессмертным!) божествам, приданы Набоковым двум его избранникам судьбы и призваны показать читателю, под чьим знаком находятся Ван и Ада на протяжении всего романа.

